

Почему 27 ноября? К предыстории Нейиского договора 1919 г.*

О Нейиском договоре и его восприятии в Болгарии существует много литературы, в которой за последние 100 лет, без сомнения, сказано всё, что следовало бы знать и помнить. Тем не менее, я принимаю вызов, предлагая иной ракурс исследования, а именно — привлекая внимание к историко-психологической мотивации сербских представителей на Парижской мирной конференции в 1919 г. Отправная точка предпринятого анализа указана в заглавии — Почему 27 ноября? Почему мирный договор с Болгарией подписан именно в этот день, а не в какой-либо другой?

Начну с того, что для болгар это не просто день календаря, а дата военного праздника болгарской армии — Праздника побед. Он восславляет последний победный день Сербско-болгарской войны 1885 г. — Пиротское сражение 15 ноября, по старому юлианскому календарю, который тогда был принят в Болгарии. Именно из-за Нейиского диктата над болгарским национальным самосознанием и исторической памятью, а также вследствие полной смены празднично-ритуальной системы после 9 сентября 1944 г., Праздник побед был полностью забыт в течение десятилетий¹. Поэтому я вкратце напомню его историю и одновременно с этим подробно остановлюсь на историко-психологической мотивации сербских представителей на Парижской мирной конференции 1919 г.

В первые годы после своего создания 5 июля 1879 г. у болгарской армии не было официального военного праздника. Следуя традициям русской армии, в которой каждое подразделение —

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда научных исследований Болгарии, проект ДНТС/Россия 02/17, ФНИ «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

полк, батарея или эскадрон — отмечает свой полковой день — ежегодный праздник, приуроченный к дню святого, в честь которого был освящен полковой храм, в Болгарии также отмечают праздник подразделения, связанный с датой церковного календаря. В то же время некоторые части начинают отмечать даты памятных сражений и событий русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Эта практика, однако, подавлена в зародыше и не успевает стать традицией. Одним из своих первых приказов 1879 г. военный министр Болгарии генерал-майор П.Д. Паренсов, сославшись на необоснованные расходы на подобные торжества, предписывает: «1) Празднование каких-либо ежегодных памятований прошлой кампании, если они не совпадают с днями годовых праздников, запрещено. 2) Разрешается отмечать ежегодные праздники в дружинах, сотнях и батареях раз в год, о чем начальники отделов сегодня должны предоставить в Министерство обороны подробные сведения о таких праздниках на мое утверждение»².

В 1884 г. торжественные, праздничные и другие дни, когда войска освобождаются от занятий, части участвуют в парадах, а офицеры обязательно посещают молебны и панихиды, включены в специальное расписание. Однако в нем нет специально установленного военного праздника. Помимо дня заключения Сан-Стефанского мирного договора (19 февраля), в расписании фигурируют Св. Георгий Победоносец (тогда отмечался 23 апреля), но лишь как церковный праздник святого-воина, а также Св. Дмитрий Солунский (26 октября) и Св. Николай Чудотворец (6 декабря). Церковным праздником, занимающим особое место в жизни армии, является и Богоявление (6 января), когда по традиции совершается водоосвящение боевых знамен. С 1893 г. в этот день производится также пушечный салют из 21-го оружейного ствола, но эта привилегия не делает Богоявление военным праздником³.

После Сербско-болгарской войны 1885 г. в праздничном календаре болгарской армии происходят существенные изменения. Со следующего года вступает в силу министерский приказ отмечать в частях следующие даты:

7 ноября, победа при Сливнице — 1-м Софийским, 3-м Бдинским, 4-м Плевенским, 5-м Дунайским и 9-м Пловдивским пехотными полками, 2-м кавалерийским полком и княжеским конвоем;

10 ноября, победа под Драгоманом — 6-м пехотным Тырновским полком;

13 ноября, победа под Царибродом — пионерной дружиной*;

15 ноября, взятие Пирота — 8-м Приморским, 10-м Родопским, 11-м Сливенским и 12-м Балканским пехотными полками, 1-м кавалерийским полком и 2-м артиллерийским полком.

В эти дни проходят панихиды по погибшим офицерам и солдатам, в частях проводятся церковные парады, солдаты получают лучшую пищу по специальной раскладке⁴.

В 1888 г. военный министр полковник С. Муткуров отменяет праздничный военный календарь генерал-майора Паренсова и утверждает новое расписание дней для молебнов, панихид и парадов. В нем впервые введен общий военный праздник для болгарской армии, связанный с Сербско-болгарской войной, но разделенный на две даты — 7 ноября, День павших воинов, когда служат молебны и панихиды, и 8 ноября, День болгарской победы при Сливнице, когда проводят военные парады⁵.

Между тем, некоторые части болгарской армии меняют свои ежегодные праздники, и в дополнение к святым из церковного календаря начинают выбирать события из династического и политического календаря: 2 августа — восхождение князя Фердинанда на болгарский престол (6-й пехотный Тырновский и 22-й пехотный Фракийский полки); 18 мая — тезоименитство князя (16-й пехотный Ловчанский полк и 4-й артиллерийский полк); 22 мая — день рождения княгини Клементины (15-й пехотный Ломский полк). Эти даты также ежегодно празднуются дружинами пехотных полков. Свои ежегодные праздничные дни есть и у рот; они обычно приурочены к церковному календарю и отмечены наличием в казарме ротной иконы — обязательного атри-

* Пионерами (от *фр.* pionnier — первопроходец) называли в армиях некоторых стран, в том числе России, саперные подразделения. Дружина в болгарской армии — подразделение численностью до 1 тыс. чел. (Прим. ред.).

бута воинского быта в период от Освобождения до переворота 9 сентября 1944 г.

Наряду с общими, полковыми, дружинными и ротными праздниками, существует и Праздник кавалеров военного ордена «За храбрость». Однако привилегия праздновать его принадлежит только тем, кто им награжден, и поэтому совершенно неправильно считать его общевоинским праздником, как делают многие военные и гражданские историки. В этот день командиры частей и гарнизонов пользуются правом подносить поздравления главе государства и Верховному главнокомандующему от имени всех кавалеров ордена. При этом первоначально датой его празднования становится 17 апреля — день, когда Первое Великое народное собрание избирает Александра Баттенберга болгарским князем, что неслучайно совпадает с днем рождения русского царя Александра II Освободителя. Только в 1891 г. его начинают связывать с церковным праздником Св. Георгия Победоносца — 23 апреля по юлианскому календарю, тогда официально для болгарского государства⁶. Но и впоследствии он остается привилегированным праздником только для носителей военного ордена.

Решительный шаг к установлению единого военного праздника для болгарской армии сделан в 1898 г. Это происходит по приказу военного министра полковника Н. Иванова, в котором говорится:

«За победу в войне 1885 г. установлены почти в каждой части особые дни для празднования. В связи с реорганизацией армии после войны многие части — почти все вновь сформированные и те, для которых кадрами послужили целые дружины, участвовавшие во время войны в отдельных сражениях и, следовательно, имеющие отдельные отличия, — остались без военных праздников; а некоторые дружины, которые входили в состав старых полков и действовали отдельно, должны отмечать праздник в совсем другие дни, а не в те, где они больше всего отличились. Кроме того, в связи с тем, что части празднуют в разные дни, не получается достигнуть той торжественности, которая подобаает случаю, как получилось бы, если праздновать в один день, целой армией.

С разрешения Его Царского Высочества приказываю в будущем все отдельные праздники, учрежденные во время событий от Соединения до окончания Сербско-болгарской войны, объединить в один для всей армии; в качестве такового устанавливается 15 ноября — день, когда закончились военные действия и когда почти вся армия приняла участие. Вышесказанное объявляю обязательным к исполнению»⁷.

Праздник побед торжественно отмечают парадами, сопровождаемыми панихидами и молебнами, патриотическими речами и другими публичными мероприятиями, в которых, помимо военных, участвуют представители государства, церкви и общества. Этот праздник становится особенно популярным в годы Первой мировой войны, когда его отмечают не только в старых пределах страны, но и на завоеванных территориях, называемых официально «освобожденными» или «вновь присоединенными» землями — в Македонии и регионе Поморавье. Первый большой парад военного времени по случаю Праздника побед проведен в г. Ниш 15 ноября 1915 г., всего через несколько дней после победы болгарской армии и ее германским и австро-венгерским союзниками над сербами. В этот день, который к тому же выпал на воскресенье, болгарский епископ Варлаам, назначенный управляющим нишской епархией, служит в кафедральной церкви Св. Троицы свою первую литургию. На службе присутствуют все гражданские и военные власти, а также представители местного населения. После литургии проводится панихида по погибшим болгарским воинам, а на площади перед храмом — молебен с водосвятием. В конце болгарский епископ благословляет армию, и она участвует в военном параде⁸. С изменением календарного стиля весной 1916 г. Праздник побед переносится с 15 на 27 ноября.

В наши дни всё это выглядит как любопытные факты ушедшей эпохи, но современникам и символическая подоплека, и смысл Праздника побед были понятными и глубоко укоренились в их политическом сознании. Они также были известны и сербским представителям на Парижской мирной конференции в 1919 г.

Делегация недавно созданного Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС) состояла из представителей трех народностей,

но сербы доминировали в ней не только численно, но и потому, что ее руководителем являлся Никола Пашич, первый премьер-министр нового государства. Решающим в военно-стратегических вопросах является мнение военной миссии сербско-хорватско-словенской делегации под руководством генерала Петара Пешича, помощника начальника штаба сербского Верховного командования Салоникского фронта. Ему помогают два старших офицера, из состава миссии и пять младших офицеров — экспертов⁹.

Сербские офицеры, от поручика до генерала, очень тяжело переживают свое поражение в войне 1885 г. Уверенные в том, что им предстоит триумфальная прогулка до Софии, они по прошествии лишь двух недель после начала кампании терпят поражение, испытывают стыд и унижение в глазах всего мира. Для некоторых из этих военных переживания являются глубоко личными. Так обстоит дело, например, с полковником Радомиром Путником, который 6 ноября 1885 г., командуя двумя сербскими батальонами, одним эскадроном и батареей, терпит позорное поражение под Белградчиком от роты болгарских резервистов, дружины ополченцев и добровольческого отряда воспитанников военного училища. Помимо потерь в живой силе, сербы теряют два орудия, 200 ружей, много сундуков с патронами и несколько лошадей, среди которых и конь полковника Р. Путника, будущего начальника Генерального штаба сербской армии во время Первой мировой войны¹⁰.

Подобные личные поражения терпят и многие другие сербские командиры под Сливницей, Драгоманом, Царибродом и Пиротом. Пятно позора ложится и на Николу Пашича, который, будучи политэмигрантом в Болгарии, сам предлагает свои услуги болгарскому правительству, чтобы бороться с режимом короля Милана. На этот эпизод будут неоднократно ссылаться политические противники Пашича в последующие годы и десятилетия; он даже станет поводом для официальной интерpellации перед Скупщиной в Белграде¹¹.

Руководитель военной миссии в Париже генерал Петар Пешич был в 1885 г. слишком юным, чтобы отметить поражение в Сербско-болгарской войне в автобиографии, но достаточно взрослым, чтобы его запомнить¹². Мы можем лишь представить

себе чувства 14-летнего мальчика (впрочем, рожденного в 1871 г. в г. Ниш, через год после учреждения Болгарского экзархата и, следовательно, крещенного болгарским экзархийским священником), который в ноябре 1885 г. стал свидетелем страха и паники своих родителей, родственников и сограждан, ожидавших появления болгарской армии в Нише после взятия Пирота. В 1913 г. Пешич как штабной офицер активно участвует в подготовке Второй Балканской, или Межсоюзнической, войны, в которой сербы отыгрываются за поражение 1885 г. Не случайно победа над болгарскими войсками при р. Брегалница в Македонии рождает популярный лозунг «За Сливницу — Брегалница», лаконичный призыв к мести или реваншу. Несомненно, генерал Пешич и другие сербские офицеры и военнослужащие в 1915–1918 гг. болезненно воспринимали тот факт, что болгары отмечают свой военный праздник на территории их родины.

Это важно знать, потому что именно сербской военной миссии было поручено определить и обосновать границы нового государства. В первоначальном варианте, предложенном военной миссией к обсуждению с делегацией Королевства СХС, который перед этим согласовывался с начальником Генерального штаба французской армии и Верховным главнокомандующим союзными войсками во Франции маршалом Фердинандом Фошем, граница с Болгарией проходила по р. Струма, продолжалась на север, всего в пяти километрах от Перника и в двух километрах от Сливницы и Драгомана, и оканчивалась на р. Дунай при с. Арчар. Полосу длиной примерно 320 км и глубиной около 20 км предлагалось отнять у Болгарии и, по стратегическим причинам, присоединить к территории Королевства СХС, т.е. к Сербии. Противоестественное урезание Болгарии лишило бы ее 13 тыс. кв. км территории с населением более полумиллиона человек и городами Видин, Кула, Белоградчик, Цариброд, Трын, Босилеград, Кюстендил, Струмица и Петрич¹³.

Аргументы стратегического характера, выдвигаемые военной миссией якобы с целью обеспечения безопасности коммуникаций в долинах рек Тимок и Вардар, совершенно несостоятельны, поскольку железные дороги там хорошо защищены высокими отрогами Старо-Планины и Ограждена, которые и так уже явля-

лись владениями сербов. Даже сербские этнографы, филологи и историки, за исключением некоторых крайних националистов, не выдвигали столь откровенные претензии на исконные болгарские земли, как это делает в Париже военная миссия. Настоящие причины, которые заставляют ее перейти все границы, даже границы военно-стратегической необходимости, кроются в травматическом восприятии поражений 1885 и 1915 гг. Поэтому я уверен, что причины, которые в 1919 г. вынудили членов сербской военной миссии в Париже требовать установления абсурдной границы с Болгарией, не столько стратегические, сколько историко-психологические — только так болгары могли быть лишены топографии своих побед, а следы сербского поражения удалены.

С предложенной границей не согласны не только Франция и Англия, но и хорватские делегаты на Парижской мирной конференции Анте Трумбич и Йосип Смодлак. Они особо подчеркивают, что стратегическая граница, которую предлагает военная миссия, не отвечает этническому разграничению между болгарами и сербами¹⁴. Их мнение основывается не только на реальных научных фактах, но и учитывает тесные отношения между хорватами и болгарами во второй половине XIX — начале XX вв.

Не сумев добиться приращения территории, на которой в 1885 г. разыгралась Сербско-болгарская война, Пашич и Пешич решаются на попрание болгарской национальной гордости. Мирный договор с Болгарией был подписан 27 ноября, в болгарский Праздник побед, установленный именно для прославления результатов войны с сербами. На то, что это не было случайным совпадением, а умышленным и продуманным шагом, указывает развитие событий на последнем этапе мирных «переговоров».

12 ноября 1919 г. премьер-министр Болгарии Александр Стамболийский отправляется из Софии в Париж, заранее заявив о своей готовности подписать мирный договор. 19 ноября он уже в столице Франции. Но вместо того, чтобы приступить к подписанию уже подготовленного документа, представители Антанты как будто бы провалились сквозь землю. Стамболийского заселяют в гостиницу «Шато-де-Мадрид» на окраине Булонского леса, где болгарская делегация проживает с самого начала Парижской мирной конференции в условиях фактического ареста. Режиму

изоляции подвергнут и премьер-министр Болгарии, несмотря на его желание встретиться и побеседовать с французскими и английскими ведущими политическими деятелями¹⁵.

Проволочки, однако, продолжают, болгары по-прежнему находятся в гостинице, и никто ими не интересуется. Лишь 27 ноября Стамболийский доставлен под конвоем в мэрию пригорода Нейи-сюр-Сен, где его поджидают уполномоченные делегаты стран-победительниц. Процедура подписания договора занимает всего 25 минут¹⁶. Она могла бы начаться и закончиться уже на следующий день после прибытия болгарского премьер-министра в Париж. Не было никаких объективных причин для ее отсрочки, кроме одной — заставить Болгарию выпить до дна горькую чашу унижения в день прославления ее воинской доблести и национальной чести. Впрочем, подобный подход применяют и к Германии: Версальский мирный договор подписан 28 июня, в годовщину убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево, послужившего *casus belli* для начала Первой мировой войны, а церемония проведена в Зеркальном зале Версальского дворца, где в 1871 г., после капитуляции Франции во Франко-прусской войне, подписан предварительный мирный договор и провозглашено создание Германской империи.

За три дня до подписания диктата в Нейи, в канун Праздника побед, болгарский премьер-министр отправляет письмо своему сербскому коллеге Николе Пашичу с напоминанием, что существует еще одна инстанция, кроме трибунала победителей, перед которой лидерам двух народов придется отвечать, — суд истории. Вряд ли случайно Стамболийский подчеркивает в письме именно мимолетность побед:

«Я знаю, что победы пьянят, но глубоко верю в то, что они не должны ослеплять политиков, уничтожать в них идеал настоящей победы и мешать им работать во имя торжества прочного и благодатного мира. Вы сегодня победители, и поэтому присоединяете земли, которые всегда были болгарскими, и таким образом роете еще одну пропасть между нашими двумя народами. Что заставило Вас сделать это, мне не известно, но я убежден в том, что история, мораль и правильное понимание обязательств политического деятеля осудят Вас»¹⁷.

Другим важным фактором, который также оказывает влияние на позицию сербских представителей на Парижской мирной конференции, является их реакция на серьезные успехи болгарского военновременного управления в Поморавье в 1915–1918 гг. в реинтеграции населения после почти 40-летней интенсивной и планомерной сербизации¹⁸. В связи с этим, в первую очередь, предпринимаются попытки обвинить Болгарию и болгар в совершении военных преступлений. Еще накануне Первой мировой войны, используя накопленный опыт, Сербия начинает готовиться к будущей информационной войне против Болгарии, основная тема которой — «Военные преступления против мирного гражданского населения». Для этой цели на сербскую правительственную службу нанят немецко-швейцарский криминолог, судебный эксперт и профессор Лозаннского университета Рудольф Арчибальд Рейсс, который еще осенью 1914 г. начинает собирать материал о военных преступлениях болгар. В октябре-ноябре 1915 г. вместе с отступающей сербской армией он перевезен на о. Корфу и возвращается осенью 1918 г., чтобы завершить свою работу в качестве эксперта в составе сербской делегации на Парижской мирной конференции¹⁹. Главная роль в организации сбора и обработке (читай — создании) сведений о «болгарских зверствах» принадлежит премьер-министру и министру иностранных дел Николе Пашичу. Сербское правительство в изгнании еще во время войны предпринимает международную кампанию с целью опорочить болгарскую армию и гражданскую администрацию в Поморавье и Вардарской Македонии, а основными «творцами» подобной информации служат специально созданные органы и службы при сербской армии на о. Корфу и впоследствии на Салоникском фронте. Еще в 1916 г. опубликована пропагандистская брошюра «Зверства болгар и австро-германцев», предназначенная для сербской армии и «всего просвещенного мира». В апреле 1917 г. проф. Рейсс издает в Салониках подобную брошюру о зверствах и преступлениях болгарской армии в Битоле. В следующем году выходит его новая брошюра о предполагаемых нарушениях международного военного права со стороны болгар, австро-венгров и немцев, которая переведена на французский и английский языки. Вольнонаемный криминолог сербской армии продолжает

свою деятельность и после сербской реокупации Вардарской Македонии и Поморавья. Именно его работы, наряду с трудами других его сербских и иностранных коллег, лежат в основе обвинений против Болгарии во время Парижской мирной конференции. В двух объемистых томах были собраны «документы» о нарушениях болгарскими Гаагской конвенции и международного военного права в 1915–1918 гг. в оккупированной Сербии²⁰.

Генезис и ход антиболгарской кампании, организованной сербскими институтами на государственном и международном уровне, ясно показывают, что она является элементом пропагандистской и дезинформационной войны против Болгарии и болгарской армии накануне и во время Первой мировой войны. Эта «война» напоминает газетные манипуляции среди хорватов во время Первой Балканской и Межсоюзнической войн, но она гораздо более масштабная, организованная и целенаправленная. Именно как таковая, она взята на вооружение сербской историографией в межвоенный период. Большую популярность приобретает изданная в 1922 г. книга Йована Хаджи-Васильевича «Болгарские зверства во Вране и окрестностях 1915–1918 гг.». Автор — бывший сотрудник министерства иностранных дел в Белграде, который под прикрытием должности секретаря сербских консульств в Битоле и Скопье руководит сербской церковно-школьной пропагандой в Македонии с 1898 по 1904 гг., а затем в качестве сотрудника министерства в Белграде поддерживает связь с сербской организацией четников, терроризирующей македонских болгар, чтобы заставить их признать себя «настоящими сербами». Йован Хаджи-Васильевич является также и историографом проблемы сербской «вооруженной» пропаганды, а его книга «Четническая акция в Старой Сербии и Македонии» так же популярна, как и книга о «болгарских зверствах»²¹. Ничего удивительного в этом нет, поскольку оба сочинения представляют собой апологию сербского четничества в Македонии, дискредитируют болгарскую армию в Поморавье и интегрированы в общую политическую антиболгарскую кампанию.

Парадоксальным в сербском тезисе о болгарском военновременном управлении Поморавья является то, что его корни следует искать еще в Первой Балканской и Межсоюзнической

войнах, а пропагандистская инфраструктура оформлена накануне военно-политического разгрома Сербии и в течение последующих трех лет. Поэтому я собираюсь уделить особое внимание сербской пропаганде среди хорватов в 1912–1913 гг., которая под видом югославизма популяризирует сербские интересы и дискредитирует Болгарию и болгар.

Сочетание идей югославизма с сербской пропагандой в годы Балканских войн в последнее время привлекает внимание хорватских историков. Появился ряд исследований о хорватской печати, отражении в ней войн 1912–1913 гг., механизмах и основных тенденциях сербской пропаганды²². На основе новых архивных источников последовательно популяризируется тезис о решающей роли агентурной и финансовой деятельности движения так называемой Югославской националистической молодежи (*Jugoslavenska nacionalistička omladina*) в политических процессах в хорватском обществе накануне Первой мировой войны. Некоторые авторы считают, что основные программные документы движения разработаны в Белграде, что он оказывал финансовую поддержку, что именно сербский опыт использовался в практической работе оmlадинцев и т.д.²³.

Основываясь на собственном научном опыте изучения организационной структуры и деятельности тайной офицерской организации «Црна рука» («Черная рука»), которая является лишь новым названием Сербской четнической организации, осуществлявшей вооруженную пропаганду в Македонии²⁴, а также на изучении хорватской прессы периода Балканских войн, которым я занимался в последнее десятилетие²⁵, могу лишь подтвердить, что в 1912–1913 гг. хорватское общество превращается в объект широкомасштабной пропагандистской кампании, проводимой Сербией. Ее целью является использование антиавстрийских и славянофильских настроений у большей части хорватского общества для распространения и утверждения идеи о том, что хорваты и сербы — это один народ, а Сербия — их политическая альтернатива Австро-Венгрии. Благодаря умелой пропаганде, опиравшейся на десятилетний опыт, Сербия с успехом внедряет в определенные хорватские политические круги эту идею. Особенно восприимчива к ней новая политическая генерация. Непотъемлемой частью и целью сербской пропаганды среди хорва-

тов в этот период является стремление разрушить сложившийся традиционный образ Македонии, подавить симпатии к Болгарии и представить болгар как противников славянской идеи и южно-славянской солидарности.

Завербованные либо офицерской организацией «Црна рука», либо непосредственно Военным министерством в Белграде или Генеральным штабом сербской армии, хорватские корреспонденты и добровольцы так умело манипулируют фактами, что на страницах хорватских газет сербской армии удастся, в буквальном и переносном смысле, достичь бóльших побед, чем в реальной войне. Благодаря грамотной пропаганде и дезинформации, в хорватском обществе формируется представление, что сербская армия вездесуща, что именно ей принадлежат все победы в Македонии, Фракии, в албанских горах — от Куманово и Шкодры до Эдирне и Чаталджи. Подкупленные редакторы и корреспонденты полностью переиначивают правду об этническом характере Македонии. В результате сербская пропаганда переживает свой триумф: ей удастся поколебать прежнюю твердую убежденность хорватов в болгарском характере большинства населения в Македонии. Эффективность проделанной работы становится очевидной в начале 1913 г., когда выявляются противоречия между союзниками и, в основном, между Болгарией и Сербией из-за раздела османского наследства. Выясняется, что настроенное в целом благосклонно к Болгарии и болгарам хорватское общество уже усвоило теорию Йована Цвиича, согласно которой большинство населения в Македонии не имеет ясного национального самосознания и может легко стать сербским или болгарским, в зависимости от того, к какому из двух государств отойдет указанная территория. Таким же образом сербской пропаганде удастся манипулировать и вводить в заблуждение хорватское общество в вопросе об обстоятельствах осады и захвата Эдирне, распространяя информацию о решающем вкладе сербских войск в военные операции, о пленении Шукри-паши сербами и о «необоснованных» претензиях болгар. На практике, в контролируемых или находящихся под влиянием сербской пропаганды газетах одержанная болгарами победа бесцеремонно присвоена, а в лучшем случае поставлена под сомнение.

Отсюда до следующей крупной победы сербской пропаганды — лишь один шаг, и он сделан именно в разгар Межсоюзнической войны. Многие хорватские газеты, отказавшись от былых симпатий болгарам, теперь осуждают Болгарию как главного виновника братоубийственной войны. Сербской пропаганде настолько умело удастся манипулировать хорватским общественным мнением, что хорваты действительно начинают верить, что сербская идея разделения Македонии по принципу фактической оккупации — это братская славянская идея, а лозунг об автономии Македонии — австрийская антиславянская игра. Дискредитация Болгарии и болгар как нелояльных союзников, предателей славянской идеи и агрессоров достигает своей кульминации в сообщениях хорватских военных корреспондентов с театра военных действий. Тематически, фактологически и стилистически тексты настолько похожи, что не остается сомнений: у них один и тот же источник — официальные сербские коммюнике или подобная информация из сербских военных источников. Именно в это время оформляется и укрепляется идея, что разгром «неславянской» Болгарии и захват Вардарской долины были неизбежным, закономерным, почти predetermined историческим этапом на пути к утверждению сербско-хорватского национального единства и построению общего государства — будущей Югославии. Одновременно, пользуясь теми же методами и средствами, что и ранее, сербская пропаганда обвиняет болгарскую армию в насилии, массовых убийствах и военных преступлениях в Македонии и Восточной Сербии. Запущен в действие миф о «болгарских зверствах».

Доклад комиссии Карнеги о причинах и ведении Балканских войн 1912–1913 гг. опровергает дезинформационную кампанию, выявляет правду и истинных виновников военных преступлений. Нельзя, однако, не признать, что сербские политические и военные акторы тогда опережают свое время; и пока болгары завоевывают славу своими инновациями в военном применении авиации или в оперативном искусстве наступательного боя, сербы становятся пионерами в искусстве информационной или пропагандистской войны и применения дезинформации в политических целях.

Конечно же, помимо эмоций, позиция сербских представителей на Парижской мирной конференции определяется и чисто прагматическим расчетом. Они и их союзники прекрасно понимают, что если не сковать Болгарию жесткими положениями Нейиского договора, она, в свою очередь, будет стремиться к реваншу. Впрочем, именно так и происходит. В 1925 г. Праздник побед отмечают в последний раз, а со следующего года Болгарская армия приобретает новый военный праздник — 6 мая, день Св. Георгия Победоносца, День храбрости и побед. Тем не менее, 27 ноября остается в национальном календаре как день всенародного протеста против несправедливых положений диктата в Нейи. В 1941 г., когда Югославия захвачена войсками Третьего рейха, сербские опасения оправдываются, и Болгария берет реванш, хотя и на короткое время.

Впрочем, и в наши дни тень Первой мировой войны всё еще нависает над отношениями между двумя народами. 24 мая 2017 г., как раз в день самого светлого болгарского праздника, Дня болгарского просвещения и культуры и Дня славянской письменности, Архиерейский собор Сербской православной церкви (СПЦ) в Белграде канонизирует «Мучеников из Сурдулицы» (город Сурдулица в исторической области Болгарское Поморавье сегодня находится в государственных границах Республики Сербия). Причислены к лику святых примерно 7 тыс. человек, среди которых более 100 священников, включая и двух епископов, которых объявили жертвами болгарской армии и болгарского военновременного управления в Поморавье во время Первой мировой войны. Это событие дало повод сербским средствам массовой информации превратить тему о «болгарских зверствах» в ведущую и предложить общественному мнению фантастические цифры — более 30 тыс. убитых, или нелепые утверждения о примерно 8 тыс. девушек в возрасте от 10 до 14 лет, похищенных болгарскими и отданных турецким беям в Болгарии и Турции(!?)²⁶.

Канонизация так называемых Мучеников из Сурдулицы — апогей, на данный момент, антиболгарской кампании, которая насчитывает уже 100 лет и которая протекает, чередуя периоды острой активации и латентного существования. Ее суть заключается в односторонней интерпретации и политической инструмен-

тализации фактов, связанных с болгарским военновременным управлением в Поморавье в 1915–1918 гг (по официальной терминологии тех лет, принятой в болгарских военных документах, Поморавье именовалось Моравской военно-инспекционной областью). Случай с Мучениками из Сурдулицы можно объяснить и по-другому — как проявление внутривосточного кризиса и попытку направить напряжение в другом направлении, как неотъемлемую черту сербского национализма, который испытывает необходимость постоянно воспроизводиться и утверждаться, как элемент гибридной войны — более масштабной и ставящей более далекие цели. Как бы то ни было, всё это, вместе взятое, — настоящая антиболгарская кампания под знаком «Мучеников из Сурдулицы» и с привкусом геноцида, направленная, в первую очередь, не только против болгарского меньшинства в Сербии, сосредоточенного, в основном, в районе Босилеграда и Цариброта, известном как Западные окраины, но и против Болгарии и болгар в целом, с целью их дискредитации во внутреннем и международном плане. Это — классическая «война памяти», подобная той, которая на наших глазах разворачивается сегодня вокруг основных истин из истории Второй мировой войны.

Примечания

- ¹ *Елдъров С.* 27 ноември — Ден на гнева или Празник на победите // Национална научна конференция по повод 85-та годишнина на Ньойския диктат (27.XI.1919). София, 2004. С. 76–82; *он же.* Празникът на победите — 27 ноември. Непознатата история на бойния празник на Българската армия // Военноисторически сборник. 2004. № 4. С. 3–7.
- ² Систематически сборник на законите, указите, заповедите и циркулярите по военното ведомство. От 1877/1878 г. до 1 януари 1901 г. Отдел I–VI. София, 1901. С. 1213.
- ³ Сборник на приказите, указите и циркулярите по военното ведомство от 1877 до 1887 година. София, 1887. С. 348–349.
- ⁴ Систематически сборник... С. 1213.
- ⁵ Там же. С. 1215.
- ⁶ *Добрев А.* 6 май — Ден на храбростта и празник на Българската армия. София, 2014.
- ⁷ Систематически сборник... С. 1220.
- ⁸ *Елдъров С.* Нишката епархия на Българската православна църква 1915–1918 г. // Македонски преглед. 2018. № 3. С. 83; *он же.* Нишката епархия на Българската православна църква (1915–1918). Документи // Първата световна война на Балканите и участието на България в нея през 1917 г. Сборник с материали от

Национална научна конференция с международно участие 6–7 декември 2017 г. Кюстендил, 2019. С. 541–542.

- 9 Zapisnici sa sednica delegacije Kraljevine SHS na Mirovnoj konferenciji u Parizu 1919–1920. Beograd, 1960. S. 20, 315–316.
- 10 *Венедиков Й.* История на доброволците от Сръбско-българската война 1885 година. София, 1985. С. 205–208.
- 11 *Елдъров С.* Любов и омраза по южнославянски: хърватите и Сръбско-българската война (с продължение в Ньой) // Военната защита на Съединението. София, 2006. С. 78–91.
- 12 Enciklopedija Jugoslavije. Т. 6. Zagreb, 1965. S. 471.
- 13 Zapisnici sa sednica delegacije Kraljevine SHS... S. 315–316.
- 14 Ibid. S. 33–34, 87.
- 15 *Христов Х.* България, Балканите и мирът 1919. София, 1984. С. 342–343.
- 16 Там же. С. 343–344.
- 17 *Муравиев К.* Договорът за мир в Ньой. София, 1992. С. 264–265.
- 18 Научна експедиция в Македония и Поморавието 1916. Съставител Петър Хр. Петров. София, 1993; Българите от Западните покрайнини (1878–1975). Съставители Елена Бугарчева, Людмила Зидарова. София, 2005.
- 19 *Левентал З.* «Швајцарац на Кајмакчалану», Београд, 1984; https://sr.wikipedia.org/wiki/Арчибалд_Рајс.
- 20 Бугарска окупация Юга Србије у Првом светском рату. Зборник радова са научног скупа са међународним учешћем. Лесковац, 2016. С. 12–17.
- 21 https://sr.wikipedia.org/wiki/%D0%88%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%A5%D0%B0%D1%9F%D0%B8-%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D1%99%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%9B. *Елдъров С.* Сръбската въоръжена пропаганда в Македония 1901–1912. София, 1994.
- 22 *Matković S.* Hrvatska historiografija i intelektualna javnost o Balkanskim ratovima 1912–1913 // Hrvatsko-bugarski odnosi u 19. i 20. stoljeću. Zbornik radova međunarodnog znanstvenog skupa, Zagreb, 27–28. X. 2003. Zagreb, 2005. S. 267–282; *Matijević Z.* Balkanski ratovi na stranicama “Riječkih Novina” (1912–1913). Prilog poznavanju hrvatskoga katoličkog novinstva // Tkivo culture. Zbornik Franje Emanuela Hška: U povodi 65. obljetnice života. Rijeka, 2006. S. 202–210; *Zvonar I.* Obzor o Drugom balkanskom ratu // Hrvatski-bugarski odnosi... S. 359–382; *Despot I.* Tisak Hrvatske i Dalmacije o balkanskim ratovima (1912–1913) // Historijski zbornik. 2009. N 1. S. 109–135; *Bralić A.* Balkanski ratovi i recepcija bugarske politike u dalmatinskom javnom mnijenju // Hrvatsko-bugarski odnosi u XIX. i XX. stoljeću. Zagreb, 2012. S. 63–87; *Despot I.* The Balkan Wars in the Eyes of the Warring Parties. Perceptions and Interpretations. Bloomington, In., 2012; *Despot I.* Balkanski ratovi 1912–1913 i njihov odjek u Hrvatskoj. Zagreb, 2013.
- 23 *Lipovčan S.* „Beogradska komponenta“ u postanku Jugoslavenske nacionalističke omladine // Hrvatska historiografija XX stoljeća: Između znanstvenih paradigmi i ideoloških zahtjeva. Zagreb, 2006. S. 169–196.
- 24 *Елдъров С.* Сръбската въоръжена пропаганда в Македония (1901–1912). София, 1993.
- 25 *Елдъров С.* Балканската война, видяна от Загреб // Военноисторически сборник. 2008. № 1. С. 43–48; *он же.* Македония и Македонският въпрос в хърватския печат от Българското възраждане до Балканските войни // Македонски преглед. 2012. № 4. С. 63–84; *он же.* Хърватската историческа наука за Македония и Македонския въпрос // Македонски преглед. 2016. № 3. С. 47–70.
- 26 Свети мученици сурдулички — http://www.spc.rs/sr/sveti_muchenici_surdulichki; Прва прослава празника Светих мученика сурдуличких — http://www.spc.rs/sr/prva_proslava_praznika_svetih_muchenika_surdulichkih.